

Со Славой в сердце...

Недавно Одесса отметила 60-летие начала промысла китов в Антарктике. Для молодого поколения когда-то магические названия китобойных флотилий Слава и Советская Украина, как это не грустно теперь звучит, не говорят ни о чём. В лучшем случае кто-то слышал об оперетте Белая акация да запомнил какие-то строчки из одесских куплетов опереточного китобоя Яшки-буксира, блистательно сыгранного Михаилом Водяным. А ведь ещё совсем недавно Славой и Советской Украиной жила вся Одесса! Когда из рейса возвращались китобои – замирал весь город. Это был не только их праздник... Они были цветом Одессы, её славой! Кстати сказать, на Славе и Советской Украине были даже голубятни – маленький уголок родной Одессы! Вместе с китобойной флотилией в Одессу ворвался ветер странствий и приключений. Китобои как бы соединили город с мировым пространством, они выманивали одесских детей в море. Олицетворяли собой не только мужество и профессионализм, они являли собой примеры обеспеченной жизни. На Большом Фонтане для отоваривания китобои имели даже свои магазины... Разве можно забыть, что первых пингвинов в одесский зоопарк привезли тоже китобои! Китобои жили рядом с нами, их потрясали те же государственные и городские несправедливости... Часто о них писали упрощённо. Назывались проценты перевыполненных планов, ставился акцент на достижениях и политической зрелости... Фотографировали их обязательно в морских фуражках, у гарпунных пушек. Были и свои штатные пенальтисты – передовики производства, практически постоянно прописанные на доске почёта. Так на протяжении десятилетий слагался китобойный миф. Это было государство в государстве. Однако, не всегда можно было утаить шило в китобойном мешке. Кое-что выплёскивалось наружу... Мы помним разоблачительные статьи А. Сахнина в центральной прессе о капитан-директоре Славы А. Солянике. Помним необъяснимую трагическую гибель капитан-директора Советской Украины Б. Моргуна, упавшего в трюм... Много было на поверхности, многое оставалось в тени. Особенно люди...

Один из них – ветеран китобойного флота Виктор Кузьмич Лазарев.

– Виктор Кузьмич, с чего всё начиналось?

– Я родился в деревне на Волге в 18-м году. На службу должны были призвать ещё в 38-м, но после двухлетней отсрочки (из-за престарелых родителей) только в 40-м, попал на Чёрное море, в Балаклаву – в морпогранохрану. Там прошел учебу – шесть месяцев, затем – на Балтфлот, в Таллинн. Службу начинал на Морских охотниках. Сразу после присоединения Латвии к СССР успел побывать даже в Риге. Служба... Войну встретил в Таллинне. Был комендором – командиром пушки на Морском охотнике. Участвовал в трагическом таллинском переходе... Мы охраняли крейсер Киров от нападения немецких подводных лодок. И привели его в Кронштадт! Многие погибли во время перехода. Очень многие... Мы, охраняя Киров, не могли принять участие в спасении оказавшихся в воде. Не имели права. Таковы военные законы... Люди плавали на досках. Вообще, если я не ошибаюсь, погибло порядка 300 вымпелов флота... Даже страшно представить! Буквально на наших глазах немецкая торпеда шла на крейсер Яков Свердлов, а миноносец охраны подставил свой борт... До снятия блокады мы пробыли в Ленинграде. Вплоть до освобождения Таллинна. Воевал как все. Война и теперь стоит перед глазами...

– А что было после войны?

– До 1948 г. служил в Таллинне – главстаршиной на Морском охотнике. Демобилизовался с флота вместе с моим другом и одногодкой (всего два месяца разница!) – Сергеем Холявко. К этому времени я уже был женат, имел сына. Семья проживала в Ленинграде... Если я не ошибаюсь, как раз в 48-м году в Таллинн приехали представители Министерства рыбной промышленности. Приехали набирать моряков на вновь созданную китобойную флотилию... И не просто вербовали – направляли учиться на гарпунеров. В первую очередь предлагали именно нам, морским артиллеристам! Кажется, за полгода до завершения нашей сверхсрочной службы пришел приказ – тех, кто идет в китобои, демобилизовать досрочно. Вот так и демобилизовали меня с Сергеем Холявко. Мы приехали в Ленинград (у С. Холявко там тоже находилась семья), а оттуда прямо в Одессу. Было это 20 февраля 1948 г. Так мы стали одесситами.

– В китобои отбирали как в космонавты...

– Действительно, отбор был строг. В Одессе нас поселили в гостинице на Приморской улице. Потом собрали человек двенадцать – и на Дальний Восток, во Владивосток. Оттуда – на Курилы... Здесь из американских тральщиков делали ...китобойцы. На Курилах мы и начали охотиться. Учились стрелять китов. Первым нашим капитаном был Петр Андреевич Зарва. Потом он ходил на Славе. Кстати, Зарва похоронен у нас, в Одессе, на 2-м Христианском кладбище. Как я уже говорил, собрали нас человек 12. Но не все доехали до Владивостока. Люди есть люди. Примерно до октября 48-го учились стрелять. Потом нас, уже обученных, отправили поездом в Одессу. Билеты взяли в мягкий вагон! Вокруг смеялись: Студенты едут! Студенты!.. Какие же мы были студенты, если ехали в мягком вагоне?! Ехать поездом через всю страну было очень нелегко... Вокруг послевоенная разруха.

– Что же было в Одессе?

– Там уже формировали китобойные экипажи. Настоящую флотилию! Здесь нас расписывали по китобойцам. Не забыть мне тех минут! Сами китобойцы получали, в основном, по послевоенной репарации. К этому времени Слава (тоже немецкий трофей) уже успела сделать один рейс в Антарктику... Нас снова направили на учебное судно – китобоец Слава-1 (тоже бывший немец). Кстати сказать, к тому времени во флотилии были китобойцы от Славы-1 до Славы-8. Работали они на угле, потом переделали под мазут. Условия работы – тяжелейшие. Наш китобоец заливало водой. А обледенение!.. Штормы!!! До нас на китобойцах работали норвежцы. Наемные моряки. Им очень хорошо платили. Как они сами признавались: Сделал один рейс – могу 5 лет не работать... Нам же практически ни черта не платили... Ученические – каких-то там 1000 рублей... Потом пошло-поехало... В Антарктику я сделал 23 рейса. Рейсы были самые разные: и 7, и 7,5, и 8 месяцев. Но зато как нас встречала Одесса! Все происходило на старом морвокзале. Устраивали трибуны. Море цветов, оркестры. Члены правительства. В почетном карауле – курсанты мореходных училищ. Это нельзя забыть...

– Помните ли вы ветеранов китобойного промысла? Кто остался в памяти?

– Помню очень многих. И капитанов Зарву, Волохова, Фонарева, Андреяша, Полуэктова, Титузова, Дрогина, Гузенко, Танцюру, Слесарева, Бакланова, Лабунца, Беляева, Короткова, Семенова, Нужина, Тимченко... И гарпунеров Пургина, Прокопенко, Панова, Казакова, Обухова, Николаева, Алибаша, Могильного, Салиенко, Тупикова, Золотова, Барботько, Вихорева... Люди с большой буквы. Патриоты и профессионалы. Личности...

– А какова сама техника охоты на кита?

– Гарпунная пушка – устройство довольно сложное. В трюме располагается целая механическая система. Тормозные пружины, блоки, лебедки и всё такое прочее. В конструкцию укладывается 7-дюймовый канат длиной до... 1 км. Стреляли мы с метров так

30-50. Во время выстрела сразу вылетает метров 100 линия! В гарпуне крепится взрыватель. В саму гранату насыпают порядка полкилограмма дымного пороха. От контакта срабатывает взрыватель, происходит взрыв гранаты... Взрыв опрокидывает кита. Если попадание не в жизненные органы, кит начинает рвать, т. е. резко устремляется вперёд. Мы, понятно, полным ходом за ним. Всё же кит быстро теряет силы. Китобоец мощнее... Когда кит успокаивается, мы лебедкой начинаем подбирать... А бывало, что убитого кита оставляли, втыкали пику с флагом и устанавливали радиобуй. И пошли дальше – охота не ждёт... По времени охота длилась по-разному. Бывает, что стреляешь по несколько раз. На моей памяти стреляли и 12 (!) раз, чтобы добить кита... Когда работали на китах-кашалотах, то за обнаруженную амбру подавали списки для денежного поощрения китобоев. Амбра – ценное отложение в желудке кита, используемое в парфюмерии как закрепитель аромата духов. Особенно амброй интересовались во Франции.

– **Как складывалась ваша китобойная биография?**

– Начинать с помощника гарпунера, был и марсовым матросом, т. е. впередсмотрящим, наблюдающим из небольшой бочки, закрепленной на мачте, за передвижением китов... Таким образом, корректируются действия гарпунера... 12 лет проплавал штурманом. Учился... В 62-м окончил заочно нашу Рыбку.

А семья переехала из Ленинграда в Одессу в 1954 году. Когда плывал гарпунером, дали квартиру в доме китобойной флотилии – на Дерибасовской. Решал сам Соляник – капитан-директор китобойной флотилии Слава. Хотя и мой капитан в разговоре с ним сказал, что, мол, Лазарев не хочет переезжать из Ленинграда в Одессу. Мол, жена отказывается... Помнится, что тогда построили целый посёлок для китобоев в Севастополе, где-то в Камышовых бухтах. Да и вот дом в Одессе.

– **Каким запомнился Алексей Николаевич Соляник?**

– Что я могу сказать о Солянике? Его любили. Как руководитель и организатор – очень сильный. Отличался товарищеским отношением, хотя дисциплину крепко держал. Особенно в чужих портах. Попался в пьянке – всё... Многих знал в лицо, хотя на базе – человек 500, не меньше. И зарабатывали при нём ребята неплохо. Конечно, были и смертельные случаи – от жары во время переходов, а кто-то в танк упал... К гарпунёрам относился замечательно. Помню, где-то в тропиках Соляник собрал на базе всех гарпунёров. Угощал... Вёл беседу с каждым. Вот я как-то лежал в санчасти. Соляник лично навещал. И это при всей его занятости! Вообще был он разный. Очень любил шутки и розыгрыши. А если честно, мои отношения с Соляником складывались непросто.

– **В чём же, собственно, непростота этих отношений?**

– Где-то в 50-х годах я был назначен гарпунером на буксировщик. Чем мы занимались? Буксировали убитых китов на базу – идем и собираем китов. В принципе, стрельба по китам – это не наше основное занятие. Допустим, если есть какая-то пауза, тогда можно охотиться. Навыков особых у меня, конечно, не было. В результате много промахов – промахов 15 (!). И получается – китов не бью, нервы напряжены... Решили поставить меня учеником гарпунёра на учебное судно. Капитаном был сам Пётр Андреевич Зарва. Ну пострелял там... Думал пойти в годовой отпуск. Написал заявление на двухгодичные курсы по подготовке штурманов. Здесь давали диплом как для получивших среднее образование. Как раз в это время на одном из китобойцев был слабенький гарпунёр. Капитан этого китобойца знал меня лично и, естественно, хотел произвести обмен. Доложил самому Солянику. Тот дал мне команду: Давай в рейс! Я сказал, что уже подал документы на штурмана... Он резко возразил: Нет! Учиться не будешь! Я ответил: Марсовым матросом не пойду... Тогда Соляник нахмурился: А помощником гарпунёра пойдёшь? Пойду, – согласился я.

Направили на китобоец Слава-2.

Прошёл месяц работы. Смотрю, а зарплату начисляют как марсовому матросу. Тогда я сказал своему капитану: Стрелять не буду. Это передали Солянику, он отреагировал резко: Не хочет – так не хочет... Не подпускать его к пушке! Раз отказывается стрелять – пусть десять лет не подходит ко мне... Но жизнь сама всё поставила на свои места... Кажется, в году 53-м, когда я был гарпунёром II категории на китобойце Слава-16, мы вышли на промысел ещё до открытия международной конвенции, разрешающей охоту на китов. Крутились с места на место... Когда же, наконец, разрешили добычу, китов в округе не оказалось. Ну как назло. И вот так получилось, что только мой китобоец встретил китов. Один из всех! Тогда лично я убил двух китов. Соляник немедленно позвонил в Москву: Мы открыли промысел! Молодой гарпунёр Лазарев убил самого большого кита! Это сообщение было передано по радио – на весь Советский Союз, на весь мир! А главное – услышали дома, в Одессе. Такое не забывается.

– **Как дальше складывалась ваша жизнь?**

– Когда появилась Советская Украина, я участвовал в передаче Славы – её перегоняли на Дальний Восток. Как раз мой 23-й китобоец тоже передавали Славе. Прямо в океане встретились с подменной командой. Настроение было соответствующее... Потом ходил на Вдумчивом-34 – года четыре. На пенсию вышел в 74-м году. К тому времени был уже старшим помощником на 51-м китобойце. Что потом? Работал в объединении Антарктика – сначала матросом на бункеровщике Пялица. Потом – лет семь в Ильичевском морском рыбном порту, в портнадзоре – матросом. Так до 94-го года был связан с морем. А уже после этого ещё пять лет работал в Одесском цирке... вахтером. Дома усидеть не мог. Это уже, наверное, характер, выработанный годами китобойной жизни... Я с замиранием слушаю этого удивительного человека, составившего гордость нашего китобойного флота. Не верится, что Виктору Кузьмичу больше 88 лет! И сегодня в его голосе чувствуется любовь и переживания за дело всей жизни. Кажется, дай волю и ещё чуть-чуть здоровья – Лазарев вновь вступит на судовую палубу. Листаю его семейный фотоальбом, зафиксировавший для потомков мгновения тогдашней китобойной жизни. ...Перед глазами картинки из моего, увы, далёкого детства. Мы на соседской машине поднимаемся вверх по улице Перекопской победы, пересекаем город, едем по Военному спуску до Приморской улицы. Вот и Крымская – старый морвокзал. Всё вокруг буквально облеплено людьми. Мы явно опаздываем. Уже слышны оркестры, гудки стоящих в порту судов. Китобойная флотилия вот-вот на подходе к причалам Военного мола. Цветёт акация... И вся Одесса вышла на улицы встречать своих детей. Так 23 (!) раза под громовое ура!!! спускался по трапу красивый человек, незаметно выполняющий свой морской долг, обычный рабочий китобойного промысла Виктор Кузьмич Лазарев.